

Дополнительный материал для преподавателя

ИСТОКИ

Когда пишут о детстве С. Есенина, обычно акцент делают либо на испытанном в юные годы влиянии «чуждого» религиозного мировоззрения, сказавшегося затем в творчестве поэта, либо на том добром, положительном, «что способствовало пробуждению у Есенина поэтической фантазии, интереса к народным песням, легендам и сказкам, любви к природе...». И почему-то совсем не говорится о трагедии, пережитой поэтом в ранние годы, о нанесенной ему психической травме. Между тем для уяснения специфики творчества Есенина это имеет первостепенное значение.

Дело в том, что с рождения С. Есенин рос в обстановке нескончаемых ссор и скандалов, а с четырех лет вообще воспитывался без отца и матери. Татьяна Федоровна, требовавшая от мужа развода, жила в Рязани, Александр Никитич — в Москве. Сергея родители отдали на воспитание дедушке и бабушке по линии матери...

Сергей, отмечает старшая сестра поэта, Екатерина, «не видя матери и отца, привык считать себя сиротою, а подчас ему было обидней и больней, чем настоящему сироте». Живя в доме деда, мальчик ощущал себя бесконечно одиноким. Уйдя в себя, он мечтал о том времени, когда родители вызволят его из кромешного ада. Поскольку ожидание длилось слишком долго, а «любящие» отец и мать, занятые выяснением отношений между собой, не спешили забрать к себе сына, постепенно вера ребенка в родительскую любовь была разрушена...

Когда Есенину было девять лет, после многих лет разлуки, родители помирились. Пять лет требовавшая развод Татьяна Федоровна, но не добившаяся согласия мужа даже на получение паспорта, «вынуждена была вернуться к нему», как свидетельствует [Александра Есенина](#). Однако, по словам старшей из сестер, «мать вернулась в дом Есениных, но мира не наступило...»

В возрасте девяти лет Есенин снова стал жить под одной крышей с родителями. Точнее, с матерью и бабушкой по линии отца, поскольку Александр Никитич находился в Москве (работал в мясной лавке), бывая в Константиново лишь наездами. Дети чувствовали себя в родительском доме дискомфортно.

Непонятны и странны были матери духовные запросы сына, его тяга к книгам. Жадность юного Есенина к чтению раздражала ее.

После окончания школы начинается трудовая жизнь. Сына забирает в Москву отец, где будущий поэт работает вместе с ним в мясной лавке.

Родители хотели, чтобы он поступил в институт и стал учителем. Сам же Есенин связывал свое будущее исключительно с поэзией. Стычки с отцом, происходившие на этой почве, подтолкнули молодого человека к решению уйти из-под родительской опеки и начать самостоятельную жизнь.

Поругавшись с отцом, он устраивается на работу в типографию И. Д. Сытина. Решение сделать из своего сына учителя явилось последней попыткой родителей повлиять на жизненный выбор С. Есенина. Однако ничего у них не получилось. Познавший радость вдохновения и муки творчества поэт был готов дойти до последнего предела, чтобы осуществить свою мечту.

Наметившийся духовный рост деревенского парнишки, «до костей... пропахшего степной травой и пришедшего в город с пустыми руками, но... с полным сердцем и не пустой головой» и решившего покорить Россию, с каждым годом все больше отдалял его от родителей.

В стихотворении [«Возвращение на родину»](#) Есенин описывает одну из своих поездок в деревню. Поэт не может распознать «отцовский дом», так как он там не был много лет. Гость просит случайного прохожего: «Укажи, дружок, где тут живет Есенина Татьяна?» Прохожий оказывается его родным дедом. Поэт не узнает его. Он всех забыл, и его все забыли.

О разладе с матерью рассказывают такие произведения поэта, как [«Письмо от матери»](#), [«Ответ»](#), [«Метель»](#). Письмо, полученное из деревни, повергает поэта «в жуть». Мать не пытается понять духовные запросы сына, ее письмо выдержано в стиле осуждения:

Мне страх не нравится, Что ты поэт, —пишет она. Эти слова повторяются дважды. Смысл жизни сына, заключающийся в творчестве, непонятен матери. Она считает, что не стихи ему следовало бы писать, а ходить «в поле за сохой», растить детей.

В стихотворении «Ответ» звучит уверенность, что мать никогда не поймет, «чем он живет и чем он в мире занят». В «Ответе» и в «Метели» появляются образы смерти. В «Ответе» воспоминание о матери навеивает на поэта мысли о собственных похоронах:

Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И — что тебя хоронят.

В «Метели» поэт чувствует «близость похорон». И «Ответ», и «Метель» роднят образы вьюги, метели. И в то же время в стихотворении [«Письмо матери»](#) поэт пробует нарисовать идиллию

родственных отношений между автором и адресатом письма. Он изображает мать милой «старушкой», тоскующей о сыне, переживающей за его судьбу. Успокаивая ее, Есенин сообщает, что с ним ничего не может случиться, что «он не такой уж горький... пропойца, чтоб ... умереть», не повидав мать. Поэт пытается уверить ее (и себя заодно), что он ничуть не изменился («По-прежнему такой же нежный») и «мечтает только лишь о том, чтоб скорее от тоски мятежной воротиться в низенький... дом».

Мать предстает в стихотворении как «единственная помощь и отрада... несказанный свет» поэта.

Вот такой противоречивый образ матери создал С. Есенин. И этот образ во многом соответствует драматическим обстоятельствам его личной жизни.

В ПОИСКАХ НЕВОЗМОЖНОГО

«...когда-то, когда-то... веселым парнем, до костей весь пропахший степной травой, я пришел в этот город с пустыми руками, но зато с полным сердцем и не пустой головой. Я верил... я горел...» — говорит, вспоминая юность, автобиографический персонаж драматической поэмы [«Страна негодяев»](#) Номах.

Есенин, как и Номах, пришел в город отчаянным максималистом и романтиком, ожидавшим от жизни многого. Его сердце было открыто миру и жаждало усовершенствования бытия. Вскоре Есенин нашел и подходящее учение, которое, как ему показалось, могло гармонизировать существование человечества.

Увлечение толстовством — одна из страниц биографии поэта, примечательная тем, что именно с толстовства начались есенинские поиски «невозможного».

В марте 1913 г. он написал своему другу Г. Панфилову: «По личным соображениям я бросил есть мясо и рыбу, прихотливые вещи, как-то: вроде шоколада, какао, кофе не употребляю и табак не курю. Этому всему будет скоро четыре месяца. На людей я стал смотреть тоже иначе. Гений для меня — человек слова и дела, как Христос». В другом письме тому же адресату Есенин сообщил: «Я человек, познавший истину... Я есть ты. Я в тебе, а ты во мне. То же хотел доказать Христос, но почему-то обратился не прямо, непосредственно к человеку, а к отцу, да еще небесному, под которым аллегорировал все царство природы... Люди, посмотрите на себя, не из вас ли вышли Христосы и не можете ли вы быть Христосами? Разве я при воле не могу быть Христосом, разве ты тоже не пойдешь на крест, насколько я тебя знаю, умирать за благо ближнего?..

Да, Гриша, люби и жалея людей — и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников... Люби и угнетателей и не клейми позором, а обнаруживай ласкою жизненные болезни людей... Зачем завидовать тому, кто обладает талантом, — я есть ты, и мне доступно все, что доступно тебе. Ты богат в истине, и я тоже могу достигнуть того, чем обладает твоя душа». Есенину кажется, что он смог постичь «загадку жизни людей». «Для всякого одна истина, — утверждает поэт, — я есть ты. Кто может понять это, для того нет больше неразгаданных тайн».

Около пяти месяцев длилось увлечение толстовством, и это свидетельствует о силе веры молодого поэта. Есенин душой и сердцем принял учение великого графа, однако, когда разумом попытался разобраться в нем, то вдруг увидел, что оно не дает окончательного, абсолютного ответа на вопрос о смысле существования: «Жизнь... я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно». В письме все тому же Г.Панфилову Есенин настаивал: «Мы... должны знать, зачем живем. Ведь я знаю, ты не скажешь: для того, чтобы умереть. Ты сам когда-то говорил: «А все-таки я думаю, что после смерти есть жизнь другая». Да, я тоже думаю, но зачем она, жизнь? На все ее мелкие сны и стремления положен венок заблуждения, сплетенный из шиповника. Ужели так и невозможно разгадать?» Разочарование в толстовстве заставило Есенина искать другой, более подходящий символ веры. Вскоре он был найден...

«Я ЛЮБЛЮ РОДИНУ. Я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ РОДИНУ...»

«Моя лирика жива одной большой любовью — любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве», — так сказал С. Есенин о главной теме своей лирики.

Действительно, именно тема любви к родине — России является той красной нитью, которая пронизывает все творчество поэта. Жизнь на родине поэт ставит выше жизни в раю:

Если крикнет рать святая:

«Кинь ты Русь, живи в раю!»

Я скажу: «Не надо рая,

Дайте родину мою!»

Родина в творчестве Есенина разная, ее образ противоречив так же, как противоречив русский национальный характер. С одной стороны, Россия — страна смирения и покорности. На страницах произведений Есенина

воскресают образы нищих, богомолков, монахов, которые являются живым воплощением покорности судьбе («За горами, за желтыми долами...», «Калики», «Опять раскинулся узорно...», «Пойду в скуфье смиренным иноком...» и др.). Характерной приметой пейзажа раннего Есенина становится церковь, а отличительной чертой лексики — употребление церковных слов «осанна», «аналой», «алтарь», «мощи» и др.

Однако уже ранние вещи поэта обнаруживают неоднозначность его отношения к странникам и богомольцам. Так, в стихотворении «Калики» звучит пародийный элемент. Позже, у зрелого Есенина мотив смирения почти полностью исчезает. Его место занимает тема удальства, хулиганства.

«Залихватское», «разбойное» начало, по Есенину, так же является отличительной особенностью России и русского народа. Мотив «удальства», «хулиганства» наиболее ярко проявляется в таких произведениях, как «Хулиган», «Исповедь хулигана», цикле «Москва кабацкая».

«Хулиганские» стихи поэта имеют разнообразные оттенки. То он говорит об этом с неподдельным трагизмом: «Прокатилась дурная слава, что похабник я и скандалист», то с мягкой иронией: «Хулиган я, хулиган...» иногда в стихах поэта ощущим эпатаж:

Вот такой, какой есть,

Никого ни в чем не уважаю,

Золотую плету я песнь,

А лицо иногда в сажу.

«Разбойничьи» мотивы в лирике поэта следует понимать в свете его общего восприятия действительности. Согласно художественной концепции Есенина, разбойник как личность стоит выше обыкновенного мещанина, заботящегося лишь о собственном благополучии. Разбойник живет «сгорая», а обыватель — в постоянном страхе перед действительностью. Сам Есенин потому и рядился в «разбойничьи» одежды, чтобы «ярче гореть». Чувствуя, что он может утонуть в трясине обывательщины, Есенин начинал «скандалить».

Еще одна черта России и россиян — анархическое, стихийное начало. В таких произведениях, как «Песнь о Евпатии Коловрате», «Ус», «Марфа Посадница», Есенин поэтизирует русскую вольницу. Наиболее характерна в этом отношении последняя поэма. В ней противопоставляются образы Марфы Посадницы и московского царя Ивана Грозного. Симпатии автора явно на стороне Марфы. Новгородская правительница, население города, отстаивая

свободолюбивые заветы предков, восстают против самодержавной власти. Новгородский вечевой анархический порядок управления, изображаемый автором в качестве идеала, противостоит в произведении объединительным устремлениям первого в истории России царя. Все в образе Марфы, по замыслу автора, должно подчеркнуть красоту и величавость:

Марфа на крылечко праву ножку кинула,

Левой помахала каблучком сафьяновым.

Быть так, — кротко молвила, черны брови сдвинула —

Не ручьи-брызгатели выцветням росяновым...

Возговорит Марфа голосом серебряно...

В то время как новгородская посадница, которой прислуживают ангелы, общается с Богом, пишет ему письмо и получает ответ, «царь московский антихриста вызывает». Иван Грозный вступает в сговор с сатаной, продает ему свою душу. Он расписывается на бумаге, данной чертом, собственной кровью:

Чиркнул царь кинжалищем локоток,

Расчеркнулся и зажал руку в полу.

В конце произведения выражена вера в возможность претворения в жизнь святого Марфина завета: «заглушить удалью московский шум». Звучит дерзкий вызов царю:

А пойдемте, бойцы, ловить кречетов,

Отошлем дикомытя с потребою царю:

Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,

Чтоб не застил он новоградскую зарю.

В «Марфе Посаднице» Есенин предстает в качестве противника государственности и сторонника новгородской анархической системы самоуправления.

Наиболее сильно анархическое начало в творчестве Есенина проявилось в его «революционных» поэмах («Товарищ», «Пантократор», «Небесный барабанщик», «Октоих» и др.) Он поет гимн стихии, разрушающей старые устои и порядки. То, о чем мечтал Есенин в «Марфе Посаднице», осуществилось. Повсюду слышен «волховский звон и Буслаев разгул», во вселенском вихре «закружились... Волга, Каспий и Дон». Этот поток,

неотделимой частью которого является и поэт, призван расшатать и уничтожить «мир эксплуатации массовых сил»:

Плечьми трясем мы небо,

Руками зыбим мрак

И в тощий колос хлеба

Вдыхаем звездный знак.

Поэт видит в революционном вихре чудесного избавителя «умирающего человечества, которому он протянул... как прокаженному руку и сказал: «Возьми одр твой и ходи». На развалинах старого мира зарождается чудесным образом исцеленное человечество, более не пребывающее «в слепоте нерождения». В напряженности ожидания светлого будущего, в изображении шествия преображающей стихии, наконец, в картинах осуществленной «вечной правды» на земле Есенин максимально приближается к одному из главных идеологов анархизма М. Бакунину.

Отчаянное богоборчество Есенина сродни бакунинскому. Бакунин утверждал, что Христа нужно было бы посадить в тюрьму, как лентяя и бродягу. И вот теперь Есенин угрожает Богу «выщипать бороду» и «выплевывает изо рта» «Христово тело». Как известно, М. Бакунин воспринимал разрушение как творчество, утверждая, что «радость разрушения есть в то же время творческая радость». Достаточно прочесть есенинскую «Инонию», и станет ясно, что поэт мыслит в тех же категориях. Он упивается открывшейся возможностью перевернуть и уничтожить старый мир и испытывает наслаждение от разрушения:

Ныне на пики звездные

Вздыбливаю тебя, земля!

... весь воздух выпью...

В оба полюса снежнорогие

Вопьюся клещами рук.

Коленом придавлю экватор

И, под бури и вихря плач.

Пополам нашу землю-матерь

Разломлю, как златой калач.

Русская стихия становится предметом пристального внимания поэта также в поэме «Пугачев». Главный герой этого произведения замечает:

Кто же скажет, что это свирепствуют

Бродяги и отщепенцы?

Это буйствуют россияне!

Этой репликой смещается акцент с классового характера восстания и указывается на его общерусское значение. Это имел в виду Пугачев? Или, точнее, Есенин? Очевидно, все ту же «иррациональную, непросветленную и не поддающуюся просветлению», по словам мыслителя и философа Н. Бердяева, стихию русской души.

Есенинский Пугачев тешит себя иллюзией, что ему удастся обуздать повстанцев и поставить мятеж под контроль («пустить его по безводным степям как корабль»), однако у него ничего не получается: он сам становится жертвой бунта.

Еще в одной есенинской поэме «Стране негодяев» выведен образ героя, называющего себя анархистом. Это повстанец Номах.

... я — гражданин вселенной, Я живу, как я сам хочу! —заявляет он, посылая «к черту» государство, «от которого он отказался, как от мысли праздной, оттого, что постиг... что все это договор, договор зверей окраски разной». Анархический протест Номаха — это попытка ухода от действительности, вызов миру, обманувшему надежды человека на лучшую жизнь.

Номах не одинок в беде, через этот образ поэт раскрывает трагедию многих русских людей, искалеченных революцией.

Банды! Банды!

По всей стране, —

говорит герой, —

Куда ни взглядишь, куда ни пойдешь ты —

Видишь, как в пространстве,

На конях

И без коней,

Скачут и идут закованные бандиты.

Это все такие же

Разуверившиеся, как я...

Собрат Есенина по перу, тоже выходец из деревни литератор П. Орешин, сказал, что «еще ни один поэт не показывал с такой неотразимой силой русскую стихию».

Еще одной важнейшей чертой России в восприятии С. Есенина является религиозность русского народа. Следует, однако, подчеркнуть ту особенность, которая отличала религиозность поэта и подавляющей части русской интеллигенции от православного вероисповедания. В христианстве Бог «над нами», в системе координат Есенина он находится «впереди»: Царствие Божие должно осуществиться не на небесах, а в реальной земной жизни, в будущем. Название этого земного рая может звучать по-разному: «социализм, или рай», «Инония», «мужицкий рай», но суть от этого не меняется. Какому бы Богу человек не молился: тому, что «над нами», или тому, что «впереди», сам принцип, лежащий в основе любой религии, остается неизменен: вера, иррациональный опыт человека. «Мы верим, — писал Есенин в «Ключах Марии», — что чудесное исцеление родит теперь в деревне еще более просветленное чувство новой жизни. Мы верим, что пахарь пробьет теперь окно не только глазком к богу, а целым огромным, как шар земной, глазом».

Однако роль певца, художника, выразившего наступление новых времен в своих произведениях, не удовлетворяет Есенина. Его помыслы идут дальше — поэт ощущает себя едва ли не новым Мессией:

Не утрашуся гибели,

Ни копий, ни стрел дождей, —

Так говорит по Библии

Пророк Есенин Сергей.

В обществе будущего ведущее место Есенин отводит искусству. Возрождение искусства — главная задача революции. «Люди должны научиться читать забытые ими знаки», — писал Есенин.

В дальнейшем религиозные чаяния поэта потерпят крах. На смену им придёт разочарование в жизни и пессимизм.

Еще одним важным качеством воспетой Есениным страны является вера в мессианское предназначение России.

Сама идея мессианства проистекает уже из факта огромности, необозримости российских просторов. Государство, занимающее пятую часть земли, не может не играть определяющей роли в жизни цивилизации, — очевидно, так рассуждал Есенин, к тому же его точка зрения была подготовлена многочисленными предшественниками, сторонниками русской идеи, а к их числу мы можем отнести подавляющее большинство русских мыслителей. Вот что писал, например, Н. Бердяев: «Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе», «русская душа... вечно печалует о страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утolenия» и т.п.

Поэтом, когда произошла революция, поэт решил, что вот он, наконец, настал час «икс».

В «Певущем зове» Есенин возвестил: «Она загорелась, звезда Востока». В «Сельском часослове» провозгласил Русь «начертательницей третьего Завета». Не в государственных, а в мировых масштабах мыслил поэт: «Радуйтесь! Земля предстала новой купели!.. В мужичьих яслях родилось пламя к миру всего мира!» Не только российскую действительность должна изменить революция, она перевернет жизнь на всей земле. Исключительную роль в изменении мировой цивилизации призван сыграть русский народ. При этом поэт отрицал какое-либо значение иных наций в переустройстве земной жизни. Их «сынам не постичь» «наше северное чудо», — считал Есенин. Он даже угрожал:

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!
Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом — рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек.

Нельзя не сознавать опасности подобных идей. Ведь они в конечном счете сводятся к тому, что один народ имеет право навязать свою волю другому. И Есенин заявляет: российские «голод, холод и людоедство гораздо лучше «европейской северянщины жизни». «На Западе все зашло в тупик»,

— утверждает он. А раз так, то «спасет и перестроит их только нашествие таких варваров, как мы».

Вера в русский мессианизм проистекала у Есенина из горячей любви к своей стране и ее необозримым просторам. Чувство любви к отчизне у поэта настолько сильно, что оно распространялось даже на те стороны жизни России, которые, может быть, и не стоило любить. Так, в стихотворении «О родина!» поэт заявлял: «люблю твои пороки, и пьянство, и разбой...». А в произведении «Синее небо, цветная дуга...» писал:

Многих ты, родина, ликом своим
Жгла и томила по шахтам сырым.
Только я верю: не выжить тому,
Кто разлюбил твой острог и тюрьму...
Вечная правда и гомон лесов
Радуют душу под звон кандалов.

Есенин не делал разницы между сильными сторонами родины и ее мнимыми достоинствами. Он был полностью солидарен с точкой зрения В. Розанова, утверждавшего, что счастливую и великую родину любить не великая вещь, и что любить мы ее должны, когда она слаба, мала, унижена, глупа, наконец, даже порочна.

«...ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ ДЕРЕВНИ...»

Россия в творчестве С. Есенина — это прежде всего Россия избяная, деревянная, полевая. Это «потом пропахшая выть», которую «нельзя не ласкать, не любить», «низкий дом с голубыми ставнями», «поле, луга и лес, принакрытые сереньким ситцем... северных бедных небес». «Русь моя, деревенская Русь! Я один твой певец и глашатай... — писал поэт и добавлял: — Вот оно, мое стадо рыжее! Кто ж воспеть его лучше мог?» Но он ощущал себя не только лучшим, но и последним поэтом деревни, и оттого его стихи трагические. России исконной, отцовской и дедовской, степной противостояла Россия городская, стальная, которая наступала на дорогие есенинскому сердцу поля и нивы. И он встал на их защиту.

Однако силы были не равные. В поэме «Сорокоуст» с болью писал Есенин о равнинах, «к глоткам которых» «тянул пятерню» «страшный вестник», о дворовом «молчальнике быке», который «почуял беду над полем», о мельнице, которая «навострила» в горьком предчувствии «свой мукомольный

ных». Наиболее трогательным получился образ красногривого жеребенка, наивно пытавшегося соревноваться с поездом.

Милый, милый, смешной дуралей,

Ну куда он, куда он гонится? —

писал поэт, обращаясь к жеребенку.

Неужели он не знает, что живых коней

Победила стальная конница?

К созданию этого образа, ставшего символом уходящей деревни, подтолкнула Есенина ситуация, подсмотренная им в жизни: «Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, — писал поэт, — вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет молоденький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого. И этот маленький жеребенок был для меня наглядным дорогим вымирающим образом деревни...

Мне очень грустно сейчас, что история переживает эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый, как какой-нибудь остров Елены, без славы и без мечтаний. Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений».

С годами конфликт между «живым», деревенским и «стальным», городским в творчестве Есенина углубляется. Поэт пытается понять и принять новую, «каменную» Россию, идущую на смену старой, «дедовской» Руси, пробует воспеть ее (например, в стихотворении «Неуютная жидкая лунность...»), но поняв безуспешность и ненужность этих попыток, признается:

Все равно остался я поэтом

Золотой бревенчатой избы.

Из знаменитого стихотворения «Спит ковыль. Равнина дорогая...» мы узнаем, как мучительно отзывались в есенинском сердце произошедшие перемены:

По ночам, прижавшись к изголовью,

Вижу я, как сильного врага,

Как чужая юность брызжет новью

На мои поляны и луга.

Советская Россия предстает в стихотворении в образах «сильного врага», «чужой юности», брызжущих «новью» на есенинские «поляны и луга». Эта страшная коммунистическая новь теснит поэта, и он просит об одном: о возможности «на родине любимой, все любя, спокойно умереть!»

Образ любимой, но не любящей поэта родины возникает вновь в стихотворении «Русь Советская». Посетивший после длительной разлуки родные края лирик чувствует себя здесь иностранцем, никому не нужным пилигримом «бог весть с какой далекой стороны», поэзию которого молодежь променяла — смешно сказать! — на «агитки Бедного Демьяна». Ему не с кем поговорить, поделиться «той грустной радостью», что он «остался жив».

Жизнь села, увиденная в 1924 году, не восхищает и не восторгает поэта, а, наоборот, наводит его на тягостные и горькие размышления. Революционный «ураган прошел», унеся с собой многих близких людей. Перемены до неузнаваемости изменили деревенскую жизнь. Она такова, что лучше бы ее не видеть вовсе. «Даже мельница — бревенчатая птица с крылом единственным — стоит, глаза смежив». Этот же мотив встречается и в других произведениях Есенина.

Нет, уж лучше мне не смотреть.

Чтобы вдруг не увидеть худшего.

Я на всю эту ржавую мреть

Буду щурить глаза и суживать, —

сказано в стихотворении, начинающемся строкой «Сторона ль ты моя, сторона!...»

В «Руси советской» не только мельница, но и деревья не довольны переменами: «Клены морщатся ушами длинных веток», слушая напыщенный рассказ «хромого красноармейца с ликом сонным» о взятии Перекопа.

Критик и журналист А. Воронский приводит слова Есенина, сказанные им после возвращения из Константинова: «Все новое и непохожее. Все очень странно». Воронский свидетельствует, что «после этой поездки Есенин некоторое время ходил притихший и как будто потерявший что-то в родимых краях».

Но поэт сумел подняться выше личных обид и неприязни к новой власти. Не понимая и отвергая новую действительность, он благословил молодежь, увидевшую в социализме будущее страны:

Цветите, юные! И здоровейте телом!

Себе же он оставил роль одинокого пилигрима, бредущего «к неведомым пределам», певца «шестой части земли с названьем кратким «Русь».

«ВИДНО, В СМЕХ НАД САМИМ СОБОЙ ПЕЛ Я ПЕСНЬ О ЧУДЕСНОЙ ГОСТЬЕ...»

Еще в дореволюционный период в восприятии Есенина сложился образ революции как очистительного пламени, через которое должна пройти Россия. Уже в 1916 году поэт славит «вечную правду», «нездешние поля» и выражает уверенность в том, что «завтра... чуть забрезжит свет, новый под туманом вспыхнет Назарет. Новые восславят Рождество поля...» («Тучи с ожереба...»). Из этих строчек видно, что постреволюционное будущее автор представляет себе очень смутно, он «верит», но не «знает», «вера» его носит мистический, религиозный характер. Кроме того, он допускает, что на пути к вечной правде «не миновать утрат» («Тучи с ожереба...»).

На февральскую революцию Есенин откликнулся быстро и оперативно, сразу восславил «дорогого гостя» («Разбуди меня завтра рано...»). А после захоронения на Марсовом поле жертв революции славит «вечный, вольный рок» и «велит стоять за волю, за равенство и труд» («Товарищ»). Новый свет рождается для поэта не в пролетарских, а в «мужичьих яслях» (поэма «Певущий зов»). Разница принципиальная... В этом же произведении Есенин высказывает свое отношение к революционному насилию: «Ты не нужен мне, бесстрашный, кровожадный витязь», «не губить пришли мы в мире, а любить и верить».

Октябрьский переворот поэт встретил с особым воодушевлением. Это и неудивительно, если учесть некоторые факты из его биографии. Дело в том, что до октября 1917 года Есенин, который дезертировал из армии Керенского, был вынужден жить по поддельным документам. Смена власти позволила ему вздохнуть с облегчением и не бояться военно-полевого трибунала.

Поэтому уже в первой послеоктябрьской поэме «Преображение» поэт не может сдержать радости, которая бьёт прямо через край. Что «вбесь мир насилья мы разрушим», это он усвоил, но каким образом на руинах старого возвести новое, представляет себе очень смутно. Его революционная

философия строится на народном «по щучьему велению, по моему хотению...» «По щучьему велению» фантастический «светлый гость» «будни... наполнит молоком», осчастливит поля богатым урожаем и т.п.

Революционные поэмы создавались под сильнейшим внешним влиянием. По свидетельству В. Ходасевича, в то время двадцатилетний поэт «вращался ...в дурном обществе». Потребовалось время, чтобы молодой Есенин выработал свою точку зрения на события, происходившие в стране. Не случайно он скажет незадолго до смерти: «От многих моих религиозных поэм я бы с удовольствием отказался».

В начале 1919 года Есенин решил вступить в РКП(б). Он написал заявление. Однако в партию его не приняли. Для недоверчивого Есенина это был сильнейший удар: как это, его, певца и глашатая революции, большевики не пожелали признать «своим». До этого времени он считал чуждыми революции пролеткультовцев, а выясилось, что чужд ей он, Есенин. Наступает отрезвление. Прозревший поэт вдруг осознает, насколько велики расхождения во взглядах на цели и задачи революции между ним и теми, кто стоит у кормила власти. В результате в поэме «Кобыльи корабли» он пересматривает свою концепцию революции: «Видно, в смех над самим собой, пел я песнь о чудесной гостье». Звучит жесткий, но справедливый укор большевикам:

Веслами отрубленных рук

Вы гребётесь в страну грядущего.

Меняется символика. Например, береза, которая символизировала Россию, неожиданно приобретает зловещий цвет: «Злой октябрь осыпает перстни с коричневых рук берез». Нарастают апокалиптические мотивы моральной деградации общества, угрозы его самоуничтожения.

Самым значительным есенинским произведением о революции стала драматическая поэма «Страна негодяев», которая создавалась на рубеже 1922–1923 годов. У поэмы сложная история. После первой публикации она не анализировалась критикой, потому что кампания по дискредитации великого русского поэта, которая началась в 1926 году и проводилась с согласия высших идеологических инстанций, на долгие десятилетия вычеркнула имя Есенина из списка «разрешенных» поэтов. Когда же наследие Есенина было наконец возвращено читателю, «Страна негодяев» получила такую оценку в литературоведении, которая привела к тенденциозному искажению ее настоящего смысла. Утверждалось, в частности, что устами комиссаров Чекистова и Рассветова говорит сам Есенин, а Номах — «бандит и

черносотенец», хотя в действительности дело обстояло наоборот, поскольку Номах — образ автобиографический.

«Страна негодяев» начинается с диалога комиссара Чекистова и красноармейца Замарашкина. Чекистов, ругаясь и злобствуя, называет русский народ лентяем и бездельником. «Ваш мужик, — заявляет он, — бездарен и лицемерен». Заметим: ваш, а не наш. Чекистов в стране, о которой так беспокоится, — иностранец. «То ли дело Европа!» — восклицает он. Замарашкин в недоумении спрашивает: «Чекистов!.. С каких это пор ты стал иностранец? Я знаю, что ты еврей, фамилия твоя Лейбман, и черт с тобой, что ты жил за границей... Все равно в Могилеве твой дом». Но Чекистов не унимается: «Ха-ха! Нет, Замарашкин! Я гражданин из Веймара и приехал сюда не как еврей, а как обладающий даром укрощать дураков и зверей». По свидетельству С. Куняева, прототипом Чекистова послужил Л. Троцкий (Лейба Бронштейн), который жил некоторое время в Веймаре. Именно Троцкий считал, что в России невозможно построить коммунистическое общество, потому что почва тут, видите ли, изгажена; и, намереваясь превратить страну в плацдарм для развития перманентной революции, мог с такой ненавистью, как комиссар Чекистов, говорить о русском народе. Создание поэмы, которая критиковала всемогущего в те годы Троцкого, было актом беспримерного мужества со стороны Есенина.

Особенно рискованным выглядело высказывание комиссара Чарина о том, что в стране «оскалилось людоедство», а «освободительная» миссия революции обернулась «блефом». Эту трезвую оценку ситуации оспаривает третий комиссар, Рассветов:

Нет, дорогой мой!

Я вижу, у вас

Нет понимания масс.

Ну кому же у нас не известно

То, что ясно, как день, для всех.

Вся Россия — пустое место.

Вот так, не больше, не меньше: «Россия — пустое место». Последнюю строку исследователи стыдливо замалчивают. Между тем нелепо подозревать Есенина с его глубинным чувством родины в том, что он согласен со своим персонажем, произносящим эти кощунственные слова.

Положительно оценивая образ Рассветова, обычно подчеркивают, что, в отличие от Чекистова, Лобока, Замарашкина, он, дескать, видит не только тяготы войны и разрухи, но и пути их преодоления. Однако в многословных монологах Рассветова, сколько в них ни вчитывайся, нет и намека на программные заявления, кроме:

Подождите!

Лишь только клизму

Мы поставим стальную стране,

Вот тогда и конец бандитизму,

Вот тогда и конец резне.

Вот и вся рассветовская «программа». П. Юшин, цитируя вышеприведенные строки, утверждает, что мысль, выраженная в них, близка Есенину. Это не так. Как мог Есенин в явно отрицательный оценочный образ «стальной клизмы» заложить положительный смысл?

Рассветов в поэме много рассказывает о своем прошлом. Мы узнаем, в частности, что он работал на клондайкских приисках. Тяжело объяснить, чем притягивали будущего комиссара клондайкские прииски. Во всяком случае, не революция 1905 года забросила его в Америку, как голословно утверждает Ю. Прокушев. Есенинская поэма не дает оснований для такого вывода. Намного логичней допустить, что комиссар Рассветов — обычный авантюрист, ему что золото искать, что революцию делать — одно и то же.

В «Железном Миргороде» Есенин писал: «Что такое Америка? Вслед за открытием этой страны туда потянулся весь неудачливый мир Европы, искатели золота и приключений, авантюристы самых низших марок...». Среди наиболее поздних разведчиков американских богатств оказался и Никандр Рассветов. Но пока в нем жила надежда разбогатеть, вряд ли думал он о русской революции. Только когда понял, что в «Америке золота нет», решил вернуться в Россию. Революцию Рассветов принял безоговорочно, поскольку она как нельзя лучше соответствовала его характеру игрока. И хотя на определенном этапе развития событий герой осознает, что революция не оправдала своей исторической миссии, тем не менее не без цинизма он замечает: «Тот, кто крыло поймал, должен всю птицу съесть». Несколько раньше Рассветов декламировал:

Вся Америка — жадная пасть,

Но Россия... вот это глыба...

Лишь бы только Советская власть!

Но как можно поверить этим его возвышенным словам, когда он минутой позже утверждает:

Вся Россия — пустое место.

Так «глыба» или «пустое место»? Когда персонаж говорит правду, а когда лукавит?

Рассветов — ярый сторонник революционного насилия; по его мнению, чем больше людей будет убито, тем быстрее наступит царство коммунизма. Он заявляет, что только тогда Номах

Получит свою веревку,
Когда хоть бандитов сто
Будет качаться с ним рядом,
Чтоб чище синел простор
Коммунистическим взглядам.

Повстанец Номах — главный герой произведения. На его примере Есенин показал историю деформации, психологического надлома личности под влиянием деструктивных социальных процессов.

Номах, родившийся в деревне, «когда-то... веселым парнем, до костей весь пропахший степной травой... пришел в этот город с пустыми руками, но зато с полным сердцем и не пустой головой». Он «верил... горел... шел с революцией... думал, что братство не мечта и не сон, что все во единое море сольются, все сонмы народов». Но потом понял, что его вера в революционное обновление страны безосновательна. Все в этом мире «немытом», по мнению Номаха, делятся на «прохвостов» типа комиссара Чекистова и на «голодных нищих», которым «все равно». «И те и эти» ему «до дьявола противны». Человеческую жизнь Номах сравнивает со «скотным двором». Крушение революционных иллюзий необычайно тяжело было пережито героем. Разочаровавшись в извечных человеческих чувствах, — в любви, героизме и радости, — Номах «долго валялся в горячке адской, насмешкой судьбы до печенок израненный». Он пробовал забыться в кабацком разгуле, но и это не помогло. «Лицо» Номаха стало как «потухающий фонарь в тумане». Он заявляет: «Мне осталось — озорничать и хулиганить...» И дальше: «Мой бандитизм особой марки. Он осознание, а не профессия». Смотря на то, как революция постепенно заводит Россию в исторический тупик, Номах пробует

найти выход из этого тупика и не находит его. Сделавшись бандитом, герой не ставит перед собой политических целей, отлично понимая, что борьба за власть бесперспективна. «Мысль о российском перевороте», которую высказал мимоходом Номах, до того ему чужда, что он сразу же оговаривается: «Я не целюсь играть короля и в правители тоже не лезу». Может быть, не осознавая этого, в войне с коммунистической Россией Номах ищет собственную смерть. Недаром же он предсказывал: «Конечно, меня подвешат когда-нибудь к небесам... так что ж! Это еще лучше!» Но есть у него и другая цель — перед смертью посмотреть на «храбрость и смех» коммунистов, когда на них «двинутся... танки». Герой не скрывает своего презрения к врагам и не скупится на обидные эпитеты в их адрес. Новые правители России представляются ему «узаконенными держимордами», которые «на Марксе жиреют как янки». Советское общество он сравнивает со «стадом». Не случайно часть награбленного Номах хочет потратить на то, чтобы устроить для бедных праздник.

Конечно, протест Номаха насквозь индивидуалистический и стихийный, а его программа, основанная на отрицании человеческих чувств, государства, не вызывает особенных симпатий. И все же очевидно, что он более человечен, чем те, кто захватил в России власть. В отличие от комиссара Рассветова, фанатически убежденного в необходимости убивать направо и налево, Номах осуждает насилие, связанное с напрасной гибелью людей. Он, в частности, отчитывает повстанца Барсука за убийство коменданта и красноармейца при захвате поезда. «Ты слишком кровожаден, — говорит Номах, — если б я видел, то и этих двоих не позволил бы убить... Зачем? Ведь так просто связать руки и в рот платок». Нет в монологах Номаха и цинизма, присущего комиссару Чекистову. За каждым словом Номаха физически ощущается жгучая правдивость и боль. Номах — анархист, стал же повстанцем, потому что не хотел жить в овечьей шкуре под присмотром «мясников».

В романе «Бесы» Ф. М. Достоевского есть любопытный эпизод. Звучит торжественная мелодия «Марсельезы», которая постепенно переходит в пошленький мотивчик «Майн Либэр Августин». Подобное превращение произошло в восприятии Есенина и с революцией. Поэт вдруг понял: не было «омерзительнее и паскуднее времени в жизни России, чем время, в которое мы живем». Как известно, Есенин тяжело переживал перерождение революции. В письме литератору Кусикову он признавался: «Надоело мне это... снисходительное отношение власть имущих... хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу». Случались в жизни Есенина и минуты полного разочарования в людях. А. Воронский в своих воспоминаниях

описывает такой эпизод: «На загородной даче... он сначала долго скандалил и ругался. Его удалили в отдельную комнату. Я вошел и увидел: он сидел на кровати и рыдал. Все лицо его было залито слезами. Он комкал мокрый платок.

— У меня ничего не осталось. Мне страшно. Нет ни друзей, ни близких. Я никого и ничего не люблю. Остались одни лишь стихи».

С умыслом дал Есенин и имя своему герою — Номах. Это то же самое, что и Махно, только с переставленными слогами. В одном из писем Есенин говорит, что «лик Махно» напоминает ему «маленького жеребенка». Удивительное признание! Поэтому никак нельзя согласиться с исследователями, которые глумятся с есенинского героя. В том и значение «Страны негодяев», что в этом произведении Есенин сделал отчаянную попытку вырваться из духовной резервации, в которую пробовали поставить литературу новые власти.

«И ТЕБЯ ЛЮБИЛ Я ТОЛЬКО КСТАТИ...»

Удивительно, что интимная лирика С. Есенина, любимого женщинами, окрашена трагизмом. Удивительно также, что тема эта почти отсутствует в ранней лирике поэта. Однако, войдя в творчество, она заняла в нем доминирующее место.

В 1923 году С. Есенин опубликовал книгу «Москва кабацкая», в которую вошли два цикла: «Москва кабацкая» и «Любовь хулигана».

Не имеющий «среди людей... дружбы» поэт уподобляет любовь страшной, неизлечимой болезни — «заразе», «чуме»:

Я не знал, что любовь — зараза,

Я не знал, что любовь — чума.

В чувстве, которым восторгались и боготворили другие поэты, лирический герой «Москвы кабацкой» находит «гибель»:

Не гляди на ее запястья

И с плечей ее льющийся шелк.

Я искал в этой женщине счастья,

А нечаянно гибель нашел.

Как ожог, пощечина звучат строки из стихотворения «Сыпь, гармоника. Скука... Скука...». Собственно, это уже строки не о любви, а о чем-то таком,

чего не должно было бы существовать на свете. Но ведь существует. И С. Есенин, сполна познавший горечь такой «любви», не смог пройти мимо этой темы и отразил ее в своем творчестве. Любовь-отчаяние, любовь-бред, любовь на уровне животного инстинкта, «кабацкая любовь» — все это составило содержание «кабацких» стихов.

И все-таки разочарованный, не способный на глубокие чувства лирический герой цикла просит у своей далеко не первой любви прощения:

Дорогая, я плачу,

Прости... Прости...

Так сквозь кабацкую пелену прорывается в нем нотка человечности и доброты.

Надежда на воскресение человека появляется в цикле «Любовь хулигана». Герой отрекается от своего кабацкого прошлого, чувствует себя умиротворенным и просветленным. Ему уже не хочется «пить и плясать» и «терять свою жизнь без оглядки», а только хочется смотреть на любимую, видеть «злато-карий омут» ее глаз и «тонко касаться руки и волос» ее «цветом в осень».

Если вырвать данное стихотворение из общего контекста цикла «Любовь хулигана» и проанализировать его, то можно подумать, что в нем изображена идеальная любовь. Однако поэты для того и создают циклы, чтобы выйти за пределы обособленных, разрозненных стихотворений к более широкому контексту, к связному лирическому повествованию, чтобы передать не эмоциональное «мгновение», а развитие чувства, духовную эволюцию.

Какова же «история души» лирического героя цикла «Любовь хулигана», от чего к чему он приходит?

Стихотворение «Заметался пожар голубой» открывается метафорой любви — голубого пожара. Оно передает надежду поэта на воскресение. Однако уже во втором стихотворении герою становится грустно, и он начинает сомневаться в своей способности на настоящие чувства:

Потому и себя не сберег

Для тебя, для нее и для этой.

Невеселого счастья залог —

Сумасшедшее сердце поэта.

В третьем и четвертом стихотворениях цикла трагедийная интонация усиливается. Любимая оказывается «выпитой другим», и все, что им осталось, — делить друг с другом «чувственную вьюгу».

Пятое стихотворение цикла открывается строками:

Мне грустно на тебя смотреть,

Какая боль, какая жалость!

Герою больно оттого, что «тепло и трепет тела» любимой «разнесли» «чужие губы», ее душа «немного омертвела». Ему представляется, что в жизни уже «не осталось ничего, как только желтый тлен и сырость».

Ведь и себя я не сберег

Для тихой жизни, для улыбок.

Так мало пройдено дорог,

Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.

Безрадостную картину, нарисованную в стихотворении, дополняет скорбный осенний пейзаж, уместившийся всего в двух строках:

Как кладбище, усеян сад

В берез изглоданные кости.

Из стихотворения «Ты прохладой меня не мучай...» мы узнаем, что поэт болен: «Одержимый тяжелой падучей, я душой стал как желтый скелет». Детские мечты о богатстве и славе оказались иллюзорными:

Да! Богат я, богат с излишком.

Был цилиндр, а теперь его нет.

Лишь осталась одна манишка

С модной парой избитых штиблет.

Мечтавший о духовной близости, о преодолении отчуждения через любовь поэт находит в ней лишь страсть, не предполагающую родства душ. Такая любовь не просветляет и не очищает человека, а опустошает его.

Заканчивается цикл стихотворением «Вечер черные брови насопил...» — одним из самых трагедийных в лирике Есенина.

Вечер черные брови насопил.

Чьи-то кони стоят у двора.

Не вчера ли я молодость пропил?

Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!

Наша жизнь пронеслась без следа.

Может, завтра больничная койка

Упокоит меня навсегда.

Так есенинский герой проходит путь от восторженного восприятия любви, восхищения женской красотой к мысли о невозможности гармонических отношений между любящими.

Похожую эволюцию прошел и лирический герой «Персидских мотивов». Вновь ему кажется, что «былая рана» «улеглась», и он допытывается у менялы, как сказать понравившейся женщине «по-персидски нежное люблю». Однако постепенно интонация меняется. В стихах начинает звучать мотив измены:

А любимая с другим лежит на ложе...

(«Быть поэтом — это значит то же...»)

Лепестками роза расплескалась,

Лепестками тайно мне сказала:

«Шаганэ твоя с другим ласкалась,

Шаганэ другого целовала.

Говорила: «Русский не заметит...»

(«Отчего луна так светит тускло...»)

Да и сам поэт не в состоянии забыть свою русскую подругу:

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Там, на севере, девушка тоже,

На тебя она страшно похожа,

Может, думает обо мне...

(«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...»)

Наконец, в одном из ключевых стихотворений цикла звучит центральная мысль «Москвы кабацкой»: любовь несет гибель, смерть.

Руки милой — пара лебедей —

В золоте волос моих ныряют.

Все на этом свете из людей

Песнь любви поют и повторяют.

Так стихотворение начинается.

А заканчивается оно строками:

Про меня же и за эти песни

Говорите так среди людей:

Он бы пел нежнее и чудесней,

Да сгубила пара лебедей.

Получается, героя сгубила женская любовь?!

Однако Есенин не был бы Есениным, если бы не сказал и о другом: пусть не бывает любви со счастливым концом, но и без нее прожить нельзя, поэтому

Жить — так жить, любить — так уж влюбляться.

В лунном золоте целуйся и гуляй,

Если ж хочешь мертвым поклоняться,

То живых тем сном не отравляй.

Многие любовные стихотворения Есенина имеют конкретных адресатов. Например, цикл «Любовь хулигана» посвящен актрисе Камерного театра Августе Леонидовне Миклашевской, а в стихотворениях «Письмо к женщине», «Письмо от матери», «Собаке Качалова» говорится о сложных взаимоотношениях поэта с его самой любимой женщиной — первой женой Зинаидой Николаевной Райх. Это к ней обращены строки:

Вы помните,

Вы все, конечно, помните,

Как я стоял,

Приблизившись к стене,

Взволнованно ходили вы по комнате

И что-то резкое в лицо бросали мне.

Вы говорили:

Нам пора расстаться,

Что вас измучила

Моя шальная жизнь,

Что вам пора за дело приниматься,

А мой удел —

Катиться дальше, вниз.

Именно о З. Н. Райх, бывавшей в доме знаменитого актёра Качалова, спрашивает поэт у хозяйской собаки:

Но та, что всех безмолвней и грустней,

Сюда случайно вдруг не заходила?

Она придет, даю тебе поруку,

И без меня в ее уставясь взгляд,

Ты за меня лизни ей нежно руку

За все, в чем был и не был виноват.

(«Собаке Качалова»).

Стихотворения о любви, созданные в последний год жизни Есенина, проникнуты ненавистью и презрением ко лжи в человеческих отношениях, к расчетливому женскому лукавству, к любви без тепла, без родства душ, без верности, без чести. Художник гневно осуждает «напоенную ласкою ложь», он осуждает женщин «легкодумных, лживых и пустых» и с тоскою пишет о сердцах охладевших, не способных дарить людям любовь. Эти стихи необыкновенно трагичны. И трагизм их не в том, что прошла любовь, и не в том, что любимая изменила герою, а в том, что он сам уже не способен на глубокие чувства, и от того безмерно страдает.

Кто любил, уж тот любить не может,

Кто сторел, того не подожжешь.

(«Ты меня не любишь, не жалеешь...»)

Охлаждение души — неизбежная расплата «за свободу в чувствах», за «ветренность», за «презрение», за игру, громко называемую любовью. И все-таки в герое, приемлющем «гробовую дрожь как ласку новую», живет надежда, что любимая однажды вспомнит о нем «как о цветке неповторимом» («Цветы мне говорят — прощай...»).

«ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»

Цикл стихотворений «Персидские мотивы» во многом примечателен. Не случайно Есенин, по свидетельству близких ему людей, считал цикл лучшим из всего написанного.

Создавались «Персидские мотивы» на Кавказе: начаты были осенью 1924 года в Тифлисе, продолжены в начале 1925 года в Батуми, закончены на даче в Мардакянах вблизи Баку. Поскольку отпустить Есенина в Персию, куда он так рвался, политическое руководство не решилось, поэту решено было создать иллюзию Персии. Так Есенин попал на бывшую панскую дачу в Мардакяны.

В жанровом отношении «Персидские мотивы» представляют собой лирико-философские раздумья. Слияние трагического и философского начал достигло в этом цикле своей завершенности, но выступало оно и раньше во многих наиболее зрелых по мысли стихотворениях поэта.

Есенин вдохновенно создал воображаемую страну, в которой ему так хотелось побывать, страну своих грез и мечтаний, овеванную необыкновенной прелестью, дурманящую ароматом, какого еще не было в его стихах, страну, в которой даже человек такой прозаической профессии, как меняла, говорит о любви возвышенно, проникновенно и поэтически («Я спросил сегодня у менялы...»).

Важнейшей чертой «Персидских мотивов» является их песенность. В мелодике этих стихов важнейшее место занимают рефренные вариации. Они придают законченность девяти из пятнадцати стихотворений цикла и существенны в интонации остальных шести. В большинстве произведений цикла они организуют стихотворения в целом и устанавливают мелодические связи между ними.

Содержание стихов для Есенина столь же значительно. Прелесть гармонии для него не самоцель. Она замечательна и сама по себе, но только в единении с мыслью и чувствами обретает властную силу воздействия, становится способной выражать различные состояния души человека и окружающего мира.

Наиболее характерно в этом отношении стихотворение «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», имеющее вполне конкретный адресат — молодую учительницу по имени Шаганэ Тальян, с которой поэт встретился в декабре 1924 года, которую он часто посещал, дарил цветы, читал стихи. Расставаясь с нею, он подарил ей книгу с надписью: «Дорогая моя Шаганэ, Вы приятны и милы мне». Девушке в ту пору было 24 года, по происхождению она ахалцихская армянка, отличалась необыкновенной красотой, и с нее поэт писал свою персиянку.

Рефрен «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..» обрамляет первую и последнюю строфы стихотворения и, следовательно, произведение в целом. Это обрамление — дань восхищения любви и красоте любимой, Ширазу, которого Есенин никогда не видел, но дань эта нужна поэту, чтобы сказать о единственной любви, которая никогда его не оставляла, о любви к родной земле. И сразу же после зачинной строки рефрена возникают главные в стихотворении повторы:

Потому, что я с севера, что ли,

Я готов рассказать тебе поле,

Про волнистую рожь при луне.

Вся первая строфа состоит из повторов. Вторая повторная строка первой строфы «Потому, что я с севера, что ли» обрамляет вторую строфу. Третья строка первой строфы обрамляет третью строфу. Четвертая строка первой строфы обрамляет четвертую строфу. И, наконец, пятая строка, обрамляющая первую строфу, обрамляет и последнюю.

Игру повторами в этом стихотворении можно было бы счесть доказательством великолепного профессионального мастерства, если бы Есенин преследовал именно эту цель. Но в такой, казалось бы, нарочитой композиции заключено мелодическое движение. Первая строфа, как бы рассылая повторения остальным, придает анафорам и рефренам значительность, усиливает их звучание. В звукописи стихотворения, таким образом, подавляющее место занимают не буквенные аллитерации, а словесные повторы, композиционно связывающие отдельные строфы стихотворения.

Похожую эволюцию прошел и лирический герой «Персидских мотивов». Вновь ему кажется, что «былая рана» «улеглась», и он допытывается у менялы, как сказать понравившейся женщине «по-персидски нежное люблю». Однако постепенно интонация меняется. В стихах начинает звучать мотив измены:

А любимая с другим лежит на ложе...

(«Быть поэтом — это значит то же...»)

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.
Говорила: «Русский не заметит...»
(«Отчего луна так светит тускло...»
Да и сам поэт не в состоянии забыть свою русскую подругу:
Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
(«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...»)

Эволюция есенинской образности

Сергея Есенина можно назвать художником метафор, поскольку мир он видит метафорически преображенным. Повышенная метафоричность, всегда отличавшая поэзию Есенина, порой доходит до «сверхсгущенности». Ранние произведения зачастую напоминают мозаику из разноцветных кусочков. Что ни строка, то новый тон.

Дымом половодье

Зализало ил.

Желтые поводья

Месяц уронил.

(«Дымом половодье...») —тропы толпятся, затмевая друг друга, поражая своей оригинальностью. Но постепенно мозаичность сглаживается, образность все больше подчиняется движению лирического переживания и общей настроенности стихотворения.

Интересна судьба есенинских определений. Сперва поэта привлекали, главным образом изобразительные возможности эпитетов, их наглядность и красочность. И его первые стихи переливались многоцветной гаммой красок и

оттенков: багряный, алый, красный, золотой, синий, голубой, сиреневый, серый, лиловый и т.д. Стихи звучали и благоухали: «пахнет смолистой сосной», «пахнет рыхлыми драценами...», «пахнет вербой и смолою», «хвойной позолотой взвенивает лес», «под звон надломленной осоки», «звенят родные степи...»

Впоследствии увеличивается число эмоциональных эпитетов, а определение, обозначающее объем, форму, качество, начинает включать в себя экспрессивный оттенок. Перемены эти были обусловлены главным образом обращением к интенсивному способу воплощения чувств, при котором все средства изобразительности подчинены раскрытию лирического переживания.

С 1915 года Есенин начинает проявлять интерес к оксюморонам и антитезам («люблю до радости и боли», «ты вся — далекая и близкая» и др.) и к символике как условному обозначению понятий и явлений. Например, «розовое небо» в творчестве С.Есенина воспринимается не как небо, освещенное закатом солнца, а как символ чего-то идеального, несбыточного, о чем можно только тосковать.

На характере есенинской образности сильно сказалось вхождение поэта в 1919 году в группу имажинистов, утверждавших, что стихотворение «не организм, а толпа образов». Поэт буквально перенасыщает свои произведения метафорами, эпитетами, сравнениями, огрубляет и приземляет поэтическую речь, создает вычурные и отталкивающие образы: «сломав зари застенков», «клещи рассвета», «выдергивают звезды, словно зубы», «человеческое мясо грызть», «зари жёлтый гроб», «глаза... как два цепных кобеля», «тень с верёвкой на шее безмясой», «луны лошадиный череп каплет золотом сгнившей слюны» и т.п.

Часто пишут об отрицательном влиянии имажинизма на Есенина. Однако это не так. Имажинизм был нужен Есенину в той же степени, как и он имажинизму. В 1919 году, когда создавалась группа, в стране шла гражданская война, царил голод, разруха. Выжить и тем более добиться признания в этих условиях, выступая в одиночку, было невозможно. Поэтому поэты и писатели объединялись. Подобных образований существовало множество: ЛЦК, РАПП, «Серапионовы братья», «Кузница», «Молодая гвардия»... Имажинисты поддерживали Есенина в трудное время, помогли стать на ноги, найти собственную творческую нишу. Именно среди имажинистов поэт обрел своего лучшего друга — А. Б. Мариенгофа, замечательного прозаика и самобытного лирика. Многие творческие принципы имажинизма органично вошли в поэзию Есенина: повышенное внимание к образной стороне искусства, стремление

соединять в своем творчестве высокое и низкое, установка на максимальную демократизацию и раскрепощение поэтического языка.

В последний период творчества Есенина (1924-1925) содержание и строение его образов во многом меняются: почти исчезают «бытовизмы», а на смену «златоколенному дождю» приходит «нежностью пропитанное слово». Все большее распространение получают метафоры действия и состояния: «у меня в душе звенит тальянка», «сердцу стало сниться, что горю я розовым огнем», «снова выплыла боль души». Образ становится менее живописным и неожиданным, но более «олиричным», эмоциональным. Стих делается проще, исповедальнее.

«АННА СНЕГИНА»

«Анна Снегина», лучшая из поэм С. Есенина, была написана поразительно быстро — в течение месяца — января 1925 года. Не оцененная по достоинству современниками, она причислена к разряду классических произведений потомками: «большое видится на расстоянии».

Поэма полна глубоких коллизий, прежде всего связанных с судьбой личности и народа в эпоху исторических катаклизмов. Так, не случись революции и гражданской войны, не было бы встреч Анны и Сергея, Прон Оглоблин не вернулся бы так быстро с каторги и не стал мутить народ, призывая грабить помещичий дом, наконец, Анна не оказалась бы в Лондоне без какой-либо перспективы вернуться на родину. Лишь судьба Сергея вряд ли изменилась бы. Потому что то роковое «нет», сказанное «девушкой в белой накидке», навсегда перевернуло его жизнь, научив не доверять людям, воспринимая мир как отчуждённый. Сергей в поэме холоден, что отчётливо видно на фоне жизнерадостности мельника и фанатической одержимости идеей революционного обновления мира Прона Оглоблина:

Мой мельник во всю улыбается.

Какая-то веселость в нём.

«Теперь мы, Сергуха, по зайцам

За милую душу пальнём!»

Я рад и охоте...

Коль нечем

Развеять тоску и сон.

Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!» и т.п.

Сергей свысока смотрит на мельника, ему непонятны жизнерадостность и оптимизм последнего. Он так оценивает поведение мельника: «с ума, знать, спятил», «устроил волынку, бездельник», «заставил меня, бездельник, в чужой ковыряться судьбе» и др. Лишь однажды эта холодно-отчуждённая интонация в описании героя изменится, когда Сергей произнесёт свой знаменитый антивоенный монолог:

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароят ещё!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокую судоргу щёк.
Нет, нет!
Не пойду навеки!
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

Но это только исключение из правила. Всё остальное время Сергей выступает в большей степени как сторонний наблюдатель и статист описываемых событий. На приглашение Анны посетить их дом он вообще никак не отреагировал:

Я шёл по дороге в Криушу

И тростью сшибал зелена,
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.

На попытку Анны сблизиться Сергей хладнокровно оскорбляет её, предлагая почитать свои «кабацкие» стихи. Он как бы говорит ей: вот всё, что могу предложить, могу любить только такой «любовью». Он не верит в искренность чувств Анны, полагая, что она ищет встреч с ним не по зову сердца, а из желания польстить своему самолюбию да из стремления найти утешение посреди хуторского разора, больно ударившего по её судьбе. Как представляется, в своих предположениях герой не очень далёк от истины. Правда, «холод чувств», на который его обрекла неудачная первая любовь, не позволил ему понять и по достоинству оценить и совершенно искренний поступок Анны — присланное ею из далёкого Лондона короткое, полное тоски по родине, письмо. Несмотря на правдивость, строгость письма Анны, честность мыслей и чувств, оно нисколько не тронуло Сергея. Он воспринял его как бесполезное и «беспричинное».

Поражает сходство «Анны Снегиной» и пушкинского «Евгения Онегина». Начиная с фамилий главных героев, вынесенных в заголовок произведений: в написании они отличаются одной буквой. Функции, которые выполняют Онегин и Снегина, тоже идентичны. Очень похожи сюжеты произведений. Завязка пушкинского «романа в стихах» — письмо Татьяны Онегину, на которое герой отвечает отказом. Завязка «Анны Снегиной» — в произнесенном «девушкой в белой накидке» за много лет до описываемых событий коротеньком «нет». Оба персонажа, не оценившие вначале любовь доверившихся им людей, ищут их расположения спустя много лет, но не находят. Сюжеты «Евгения Онегина» и «Анны Снегиной» служат доказательством одной и той же идеи: когда любим мы, не любим нас; когда любят нас, не любим мы. Думается, потому у «Евгения Онегина» и не получилось продолжения, что та мысль, ради которой писалось произведение, была уже высказана.

Параллельно с лирической темой, временами пересекаясь с ней, в «Анне Снегиной» развивается тема эпическая: повествование о революционной ломке в деревне. Большой заслугой Есенина явилось создание образа типичного деревенского революционера в лице Прона Оглоблина. Герой этот — убийца:

И нагло в третьевом годе,
Когда объявили войну,

При всем честном народе

Убил топором старшину.

В числе других десяти криушан Прон был забит в колодки и услан в Сибирь.
Но после февральской революции он оказался на свободе.

Открыли зачем-то остроги,

— возмущается мельничиха,

Злодеев пустили лихих.

Теперь на большой дороге

Покоя не знай от них.

Вот тоже, допустим... с Криуши...

Их нужно в тюрьму за тюрьмой,

Они ж, воровские души,

Вернулись опять домой.

У них там есть Прон Оглоблин,

Булдыжник, драчун, грубиян.

Он вечно на всех озлоблен,

С утра по неделям пьян.

И вот именно Прон Оглоблин решает организовать в родном селе коммуны.
Сомнительно, что он имел хотя бы малейшее представление о том, что это такое. Именно Прон призывает крестьян к захвату земель у помещиков:

И спьяну в печенки и в душу

Костит обнищальный народ.

«Эй, вы!

Тараканье отродье!

Все к Снегиной!..

Р-раз и квас!

Даешь, мол, твои угодыя

Без всякого выкупа с нас!»

Прона постигло вполне заслуженное наказание: он был расстрелян деникинцами. Именно на таких людей, фанатичных, злых, ограниченных, склонных к насилию, и делали ставку большевики, совершая революцию. После Оглоблина не осталось ни дела, ни доброй памяти.

В конце поэмы возникает неясная проекция в будущее, но она связана со своего рода возвратом в прошлое. Автор делает вывод, что жизнь ценна сама по себе, а не тем, была она счастливой или нет.

«До свиданья, друг мой, до свиданья...»

Иногда наступает такой момент, когда жизнь начинает страшить человека больше, чем смерть, и в последней он видит избавление от кошмаров действительности. Так было в жизни Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Цветаевой, Хемингуэя, Цвейга...

Есенин к 1925 году исчерпал запас своих творческих и жизненных сил. Буквально в каждом его произведении, написанном в последний год жизни, звучит мотив усталости, безразличия к жизни:

Запрокинулась и отяжелела

Золотая моя голова.

Я устал себя мучить бесцельно,

И с улыбкою странной лица

Полюбил я носить в легком теле

Тихий свет и покой мертвеца.

...мне одно и то ж —

Чтить метель за синий цветень мая,

Звать любовью чувственную дрожь.

О жизни своей он говорит уже почти исключительно в прошлом времени: «все укатилось», «все пролетело... далече... мимо... сердце остыло, и выцвели очи...», «я все прожил», «эту жизнь прожил я словно кстати, заодно с другими на земле».

Свое логическое завершение мотив ухода нашел в прощальной элегии «До свиданья, друг мой, до свиданья...», написанной кровью поэта.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,

Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умереть не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Слава, о которой так мечтал поэт, догнала его на следующий день после смерти. Гроб с телом Есенина был перевезен из Ленинграда в Москву. В канун нового года потрясенная Россия провожала поэта в последний путь...

Выступления белорусских поэтов в защиту Есенина.

После смерти Есенина по стране прокатилась волна самоубийств среди молодёжи. Многие люди, неверно поняв самую суть трагического поступка великого поэта, спешили последовать его примеру.

Ими руководила слепая любовь к Есенину — потеряв кумира, неокрепшему психически индивиду бывает трудно смириться с горем утраты. Власть же вину за происходящее переложила на поэзию Есенина, объявив антиесенинскую кампанию.

Лирику Есенина стали отождествлять с самыми отсталыми чертами русского национального характера, пытались представить поэта идейным вдохновителем хулиганства. Наибольший «вклад» в дело «развенчания» поэзии Есенина внесли Н. Бухарин, написавший «Злые заметки», Л. Сосновский, автор статьи «Развенчайте хулиганство», и А. Крученых, опубликовавший с десяток «дурно пахнущих книжонок», как их охарактеризовал М. Горький, о Есенине, и сам же их распространявший. Названия этих «книг» говорят сами за себя: «Чёрная тайна Есенина», «Хулиган Есенин», «Есенин и Москва кабацкая» и др.

Среди немногих, вставших тогда на защиту Есенина и его творческого наследия, была группа молодых белорусских поэтов, страстных поклонников таланта рязанского певца.

Вскоре после опубликования статьи Л. Сосновского в «Комсомольскую правду» пришло письмо за подписью М. Лужанина, П. Глебки и других. В письме содержались резкие оценки статьи Сосновского: говорилось о том, что не стоит «пятнать имя поэта ловко замаскированной клеветой», «выводить идеологию Есенина из одного-двух стихотворений и что Сосновскому придётся переменить три шкуры, чтобы убавить хоть крупицу славы Есенина».

Отрадно, что такое мнение родилось тогда именно на белорусской земле...

С. Есенин и поэты есенинского круга

С. Есенин жизнью, творчеством, судьбой был связан с поэтами так называемого «новокрестьянского» направления: Н. Клюевым, А. Ганиным, С. Клычковым, П. Орешиним, П. Карповым.

Начало «новокрестьянской» поэзии в русской литературе положил Николай Клюев. Почему это направление новое? Почему это направление «новокрестьянское»? Ведь до него были Суриков и Никитин, был Дрожжин. До Клюева поэты, вышедшие из народа, являлись выразителями угнетённого состояния самого многочисленного класса России. Скорбь и грусть, порождённые бесправным состоянием крестьянства, были основными мотивами их творчества.

А уроженец северного Олонецкого края Н. Клюев пришёл в литературу с другими темами. Он с гордостью заявил о своём крестьянском происхождении. Он называл себя потомком неистового Аввакума, а потому в клюевских интонациях не могло быть ни униженности, ни покорного смирения.

Известно, что октябрьские события крестьянские поэты восприняли восторженно. Но в послереволюционное время крестьянская поэзия оказалась на положении второстепенной, периферийной. Обусловлено это было вовсе не эстетической значимостью произведений поэтов, оставшихся верными крестьянской теме. Пролетарская поэзия стараниями не в меру ретивых руководителей от литературы была объявлена самой передовой, самой революционной. Началось прославление стального, железного как символа будущей мощи и силы советской страны.

Крестьянская поэзия, изначально воспевавшая, поэтизировавшая неразрывную связь человека с миром живой природы, воспротивилась культу стали и железа. Она увидела в наступлении паровоза, «чугунки» угрозу не только природе, но и нравственным, этическим ценностям крестьянской жизни.

Чуждость поэтов «новокрестьянского» направления, неприятие ими новой действительности предрешило их трагическую судьбу.

Первыми ушли из жизни А. Ганин (расстрелян в 1925 году) и С. Есенин. Как это ни парадоксально звучит, судьба их завидна, поскольку они не увидели самого страшного: политики геноцида сталинизма по отношению к русскому крестьянству, развернувшейся в годы «великого перелома», они не застали голода 1932-1933 годов, когда на Запад шли эшелоны с хлебом, а миллионы русских крестьян погибали от голода в родной стране.

Из всех «новокрестьянских» поэтов годы сталинщины чудом пережил только П. Карпов.

В тридцатые годы о судьбе этого поэта не знал никто: жив или умер?

В литературной энциклопедии, изданной во второй половине этого десятилетия напротив даты смерти П. Карпова стоял знак вопроса.